

А.В. Савицкая

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ПОПОЛНЕНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

О способах пополнения словарного состава шведского языка уже сказано многое, однако поскольку лексика является наиболее изменчивой частью языка, эта тема неизменно привлекает внимание исследователей. Как известно, словарный состав любого языка непосредственно связан с жизнью языкового коллектива. Учитывая специфику «Скандинавских чтений», в данной статье хотелось бы остановиться на том, какое влияние на развитие словарного состава шведского языка может оказывать отдельная личность. Анализируемый материал был преимущественно взят из подборок новой лексики, опубликованных в период с 2001 по 2007 г. в журнале «Språkvård», а после его реорганизации продолжающих публиковаться в журнале «Språktidningen»¹.

Классификацию отобранного материала представляется удобным строить исходя из того, какими путями конкретная личность может способствовать созданию новых лексических единиц. Следует также оговорить, что за рамками данного исследования почти полностью остается анализ деятельности пуристов и специалистов по языковому нормированию, которые, безусловно, в разные периоды оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на эволюцию шведского словарного состава.

1. К первой и самой крупной группе классификации можно отнести эпонимы, которые, если трактовать этот термин в широком смысле слова, представляют собой слова, образованные от имен собственных.

Каждая эпоха обогащает словарный состав языка подобной лексикой, которая по прошествии определенного времени фиксируется толковыми или специальными словарями и может служить объектом для отдельного анализа². Рассматриваемые в данной статье единицы относятся к новейшему пласту лексики, и поэтому можно с большой долей уверенности предположить, что значительная их часть впоследствии не войдет в общий фонд, их скорее следует относить к категории эфемеризмов. Под эфемеризмами обычно понимают «слова, широко употребительные в определенные периоды общественного развития, как правило, связанные с деятельностью отдельных политических деятелей, но затем не вошедшие в общий фонд, а употребляемые только в связи с конкретными событиями»³. Относящиеся к этой группе слова достаточно разнообразны как по составу стоящих за

ними личностей, так и по использованным при их создании словообразовательным моделям.

В полном соответствии с основными тенденциями в развитии шведского языка ведущее место здесь принадлежит композитам. Одна из представленных в этой группе моделей относится к сфере политики и носит почти устоявшийся характер, только имя в ней каждый раз заменяется на более актуальное для данного момента. Родоначальником здесь стало слово *Westbergseffekt* — «эффект Вестерберга», появившееся после того, как лидеру Народной партии Бенгту Вестербергу в 1985 г. удалось добиться для своей партии рекордного числа голосов на выборах в риксдаг. Когда в 1997 г. его успех повторил лидер той же партии Ларс Лейонборг, все заговорили об «эффекте Лейонборга» (*Leijonborgeffekten*), а среди новейшей лексики присутствует слово *Maudeffekten* — «эффект Мод», связанное с успехом на последних выборах лидера партии Центра Мод Улофссон. В корпусе примеров имеется еще ряд сложных слов, первым компонентом которых является чье-либо имя, причем вариативность имен и мотивов их закрепления в словах весьма велика. Например, *miltonpengar* — «деньги Мильтона» (деньги, выдаваемые в качестве дополнительного пособия инвалидам с психическими заболеваниями) — получили имя координатора проекта Андерса Мильтона; *Foppatoffel* — «тапочки Фоппы» — завезенные из США пластиковые сандалии получили имя Петера Форсберга по прозвищу Фоппа, который первым стал торговать ими в Скандинавии; *Lasse Berghagen-vin* — вино «Лассе Бергхаген» — шуточное название «невыразительного» вина, связанное с именем Лассе Бергхагена, получившего известность как добрый, беззлобный человек и не особенно яркий артист. В некоторых случаях подобная лексика не столько отражает заслуги конкретной личности, сколько, пожалуй, демонстрирует специфику шведского менталитета. Так, слово *rotprekunskar* означает «приятные, но необязательные знания», вроде того, что собаку Карла XII звали Помпе, а *bin Ladin-rabatt* — «скидка от бен Ладина» — наименование скидок на авиабилеты, которыми после 11 сентября 2001 г. компании пытались привлечь пассажиров.

В рассматриваемой группе присутствует и ряд отыменных глаголов. Например, *sverka* — «предъявлять претензии к качеству купленного изделия» (от имени ведущего соответствующей телепрограммы Сверкера Улофссона). Интересно, что два подобных слова попали в шведский язык из английского, хотя они и образованы от шведских имен: *svenna sitt liv* < *sven your life* — «организовывать свою жизнь так, чтобы она была столь же успешной, как у футбольного тренера Свена-Йорана Эрикссона»; *bli blixad* < *be*

Blixed — «находиться под влиянием результатов деятельности Ханса Бликса — главного инспектора ООН по вооружениям».

Примером отыменного деривата-существительного может служить слово *timellare* — «доморощенный столяр», образованное от фамилии Мартина Тимелля, ведущего телепрограммы о ремонте домов.

2. Язык может пополниться новым словом или выражением в результате высказывания какого-то известного лица, чаще всего политика. Так, выражение *drag under galoscherna* — «ускорение, усиление» получило распространение благодаря лидеру партии «Новая демократия» Иану Вахмейстеру, который использовал его в качестве слогана в предвыборной кампании 1991 г. Выражение «взять таймаут» стало использоваться в шведском языке в значении «сделать перерыв в деятельности» благодаря высказыванию теперешнего лидера социал-демократов Моны Салин. Глагол *kрана* — «наливать жидкость при помощи крана (о вине из коробки)», будучи изначально диалектальным, а затем сленговым, обрел новую жизнь благодаря бывшему лидерулевой партии Гудрун Шюман. Слово *vittneslitteratur* — «литературные произведения, в которых автор описывает события по личным впечатлениям» получило распространение благодаря секретарю Шведской академии Хорасу Энгдалю, употребившему его на Нобелевском симпозиуме. Слово было создано на основе использовавшегося ранее английского выражения *literature of testimony*, а поскольку рабочим языком симпозиума был английский, то и в английском языке стала употребляться калька со шведского выражения: *witness literature*.

3. Неологизм может быть создан конкретным лицом. Думается, что здесь стоит выделить две подгруппы, отделив «профессионалов» от «любителей».

1) К первым можно отнести писателей и специалистов по языковому нормированию. Так, благодаря книге Кари Мулина и Бритт Огрен, называвшейся «*Klassresan*» (1991), вынесенное в заглавие слово наряду со старым значением «поездка, совершаемая школьным классом», приобрело новое — «переход в новый социальный класс». Автором вошедшего в язык неологизма может быть не только шведский писатель. Например, слово *curling-förälder* появилось в шведском языке благодаря книге датского писателя Бента Хаугора, называвшейся «*Curling-forældre og Service-børn*» (2000), и означает «родитель, стремящийся во благо своего ребенка убирать с его пути все трудности, подобно тому как это делают игроки в керлинг». Возможно, это слово с такой легкостью вошло в шведский язык, поскольку еще в 1996 г. тогдашний лидер партии Христианских демократов Альф Свенсон заговорил о *curlingpolitik*, т.е. о политике, подразумевавшей облегчение чего-либо для кого-то другого в ущерб себе. Сразу появилось слово,

обозначавшее человека, проводящего такую политику, — curlingpolitiker, а в 2005 г. от curlingförälder был образован глагол curla со значением «баловать». Иногда слово закрепляется в сознании носителей языка вследствие его удачного употребления писателем. Так, авторы книги «Från kalasbyxor till fluortant» утверждают, что прилагательное avokadogrön — «зеленый цвета авокадо» навсегда связано у них с романом норвежской писательницы Линн Ульман «Когда я у тебя»⁴.

Помимо писателей, слово может создаваться, например, специалистами по языковому нормированию. Это происходит в том случае, когда необходимо дать имя какому-то новому явлению или попытаться создать новое шведское слово, чтобы уберечь язык от лишнего заимствования. Так было, например, изобретено слово krockkudde — «подушка безопасности», противопоставленное английскому airbag и утвержденное Шведским центром технической терминологии.

2) Группа «любителей», пополняющих словарный состав, естественно, очень разнородна по своему составу. Здесь встречаются и свои «Черномырдины», к каковым, безусловно, может быть отнесен Стиг Мальм — политический деятель, на протяжении ряда лет являвшийся председателем Центрального объединения профессиональных союзов Швеции. Его нередко называют человеком, обновляющим язык. В большом материале, посвященном его уходу с должности, крупнейшая шведская газета «Дагенс Нюхетер» даже посвятила этой теме отдельный раздел. Среди его неологизмов присутствует, например, слово finansvalp — «успешный молодой биржевик» (букв. «финансовый щенок»), активно используемое носителями языка, вошедшее в словарь новой лексики 2000 г. и уже породившее производное — valpskatt — «налог с оборота на торговлю ценными бумагами» (букв. «щенячий налог»). Однако наибольшую популярность у широких слоев населения Стигу Мальму принесло создание слова, честь изобретения которого он безуспешно пытался приписать своему шоферу. Это весьма грубое обозначение для стаи лиц женского пола — fittstim. Стиг Мальм в свое время обозвал таким образом Социал-демократический женский союз. На его высказывание, естественно, бурно отреагировала пресса, чем немало способствовала распространению данного слова.

Неологизм может быть создан человеком невольно. В качестве примера хотелось бы привести слово kalasbyxor, несмотря на то что данная лексическая единица во многом уже утратила свою актуальность. В середине 50-х гг. в США было популярно ходить на вечеринки в связанных на машине плотных колготках и свитере. В Америке колготки называли pantyhose <

panties + hosiery. Когда мода докатилась до Швеции, и шведский импортер заказал партию такого товара, он неверно прочел его наименование, решив, что заказал Partyhose, что он перевел как kalasbyxor, т.е. «брюки для праздника». В 60-х гг. слово употреблялось в Швеции очень широко⁵.

В то же время неологизм может быть создан человеком сознательно. Так, уже упоминавшийся глагол *sverka* — «предъявлять претензии к качеству купленного изделия» попал в список новых слов из блога Хелены Ханссон, которой данное слово показалось компактным и удобным выражением сути дела. Особенно интересным представляется происхождение глагола *fickla* < *ficklampa* — «светить фонариком». Осенью 2001 г. на детских пакетах с молоком появилось объявление о конкурсе на лучшее слово. Одним из организаторов конкурса выступил Комитет по языку. К участию приглашались дети в возрасте до семи лет. Первую премию жюри отдало Виктору Нильссону, которому к тому моменту было 2 года 4 месяца. Мама Виктора сообщила, что его любимым занятием является светить фонариком под одеялом. Глагол *fickla* сочли столь удачным, что его включили в список новых слов⁶.

Подводя итоги, можно констатировать, что отдельная личность способна вносить свой вклад в создание лексических инноваций разными путями. Нисколько не умаляя роли в формировании словарного состава шведского языка таких организаций, как Совет по языку, Центр технической терминологии и ряда других, нельзя не отметить, что весомую лепту в этот процесс вносят и конкретные люди разных специальностей. Среди них, конечно, в первую очередь следует назвать политиков, общественных деятелей и писателей. В то же время проанализированный материал показывает, что к созданию новой лексики оказываются тем или иным образом причастны также телеведущие, спортсмены, работники торговли, артисты и просто рядовые граждане разного возраста, интересующиеся вопросами развития языка.

¹ Журнал «Språkvård», отражавший новые тенденции в развитии языка, издавался Комитетом по шведскому языку до середины 2007 г., когда был преобразован в журнал «Språktidningen», который издается в настоящее время Советом по шведскому языку.

² См.: *Савицкая А.В.* Что шведы могут противопоставить кардигану, бегонии и бефстроганову? (Некоторые наблюдения над шведскими эпонимами) // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. С. 335–340.

³ *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка. М., 1989. С. 48–49.

⁴ *Bengtsson S., Willis G.* K-märkta ord- Från kalasbyxor till fluortant. En kul samling tidstypiska glosor och deras historia. Bokförlag Semic, 2006. S. 13.

⁵ *Ibid.* S. 55.

⁶ *Josephson O.* Har ni ficklat? // Språkvård. 2001. № 4. S. 48–49.